

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Зои Леонидовны Пугач прочно связано с историей сектора, а затем отдела этнографии Африки МАЭ РАН. Многие коллекционные описи составлены ее умелой рукой.

Помимо этого ею издана книга, посвященная исследованию хранящихся в Музее антропологии и этнографии РАН уникальных коллекций, собранных известным путешественником В.В. Юнкером. Книга «Культура народов верховьев Нила» (М., 1985) служит единственным «путеводителем» по коллекциям В. Юнкера. Такие издания важны прежде всего как источник. В этом плане книга З.Л. Пугач продолжает традицию классических работ по исследованию музейных коллекций 1930–1950-х годов Экарта фон Зидова, К. Кьерсмейера, Ф.М. Ольбрехтса. Их исследования искусства и пластики народов Африки базировались в основном на документации музеев, в которых ко второй половине XX в. была аккумулирована обширная часть предметов материальной и духовной культуры народов Африки.

В память о нашей дорогой коллеге было решено опубликовать сборник, в который вошли бы статьи, посвященные истории формирования фондов музея, вопросам экспозиционно-выставочной деятельности и, конечно, людям, отдавшим музею свои ум и творческие силы, искренне переживавшим за свое дело.

«Тот, кто знаком с этой сферой, знает, что музейщики — особая профессиональная категория людей. В большинстве своем это абсолютно честные, бескорыстные и ответственные люди, работающие не за страх, а за совесть». Эти слова Клары Петровны Калиновской, доктора исторических наук, ученого, стоявшего у истоков московской африканистики, можно привести как эпиграф к нашему сборнику. Этой характеристике полностью соответствовала и Зоя Леонидовна Пугач.

В каждом отделе музея есть свои имена, которые помнят и о которых нужно писать. Особенно активно идет работа с архивами в отделе Южной и Юго-Западной Азии, сотрудникам которого по крупицам удается реконструировать историю сложения как индийского фонда МАЭ, так и его презентации в музейно-выставочном пространстве. Такой подход выдержан в рамках научной атрибуции предмета, что позволяет выйти на междисциплинарный уровень анализа основных универсальных категорий, которыми оперирует этнографическая наука. История сбора, систематизации коллекций и экспонирования представлена в статьях И.Ю. Котина и О.Н. Меренковой.

И.Ю. Котин, анализируя деятельность супругов Мервартов, пишет об их становлении как музейщиков и этнографов. Он упоминает стажировку Мервартов в этнографических музеях, поездку на Цейлон и в Индию, делает акцент на посвященной этнографии и географии Индии неопубликованной монографии А.М. Мерварта, которую он пытался издать в 1925–1927 гг. По

диапазону поднимаемых вопросов и методу их изложения эта книга сходна с книгами замечательных отечественных африканистов. Д.А. Ольдерогге пишет и публикует в 1930-е годы книгу под названием «Абиссиния» — сборник статей, в котором подробнейшим образом изложена историческая, этнографическая и географическая информация о регионе. Продолжает эту традицию научно-полевого взгляда на культуру В.Р. Арсеньев, который также поднимал вопросы географического и экономического фактора в истории складывания локальных общностей.

В путеводителе по первой индийской экспозиции, составленном А.М. Мервартом, уделено внимание и земледелию. И.Ю. Котин обращает внимание читателя на замечание Мерварта о сельскохозяйственных орудиях, соглашается с ним, что конструкция традиционных индийских орудий труда отвечает характеристикам почвы Индии, а современные технологии разрушают почву полуострова. С теми же словами обращается к читателю в своих статьях Д.А. Ольдерогге, В.М. Мисюгин, а за ним в лекциях Н.М. Гиренко и В.Р. Арсеньев. Тема земли и тонкого почвенного слоя, применения крупной сельскохозяйственной техники в странах Африки активно обсуждается не только в научных кругах, но и на различных саммитах ООН. Этнографические музеи могли бы стать, а иногда и становятся площадкой для широкого общественного обсуждения этой проблемы. Коллекция сельскохозяйственных орудий, собранная Дмитрием Алексеевичем Ольдерогге в Мали, коллекции русских врачей в Абиссинии позволяют представить Африку и с этой стороны.

О презентации культур народов мира в музейном пространстве Великобритании, США и России в конце XIX в. пишет Я.В. Васильков. Восстанавливая историю появления в России «штиглицевских» коллекций по Индии, исследователь открывает читателю личность К.П. Кларка, директора Музея Виктории и Альберта и музея «Метрополитен» в Нью-Йорке. Именно при нем Метрополитен занимает то место, которое по праву принадлежит ему сейчас, и становится всемирно известным центром искусства и образования. Карьера К.П. Кларка начиналась в Индии со сбора индийских коллекций. Стоит отметить диапазон интересов ученых того времени: этнограф, искусствовед, археолог, музейщик — все это сочеталось в одном человеке. Такими были А.М. Мерварт, К.П. Кларк, В.В. Радлов, Л.Я. Штернберг, Д.А. Ольдерогге. В этом плане сборник памяти Зои Леонидовны Пугач достойно продолжает традицию по исследованию истории Кунсткамеры как музея, заложенную директором МАЭ РАН Ю.К. Чистовым. В рамках ежегодных Радловских чтений работает секция «История Кунсткамеры — МАЭ: коллекции, собиратели, сотрудники». Один из разделов Радловского сборника неизменно посвящен этой теме.

Отдельной строкой проходит в сборнике тема экспозиционно-выставочной деятельности музея. 1920–1930-е годы печально известны в нашей стране. Несмотря на это, в МАЭ в эти годы отмечается богатая научная и музейная деятельность. Конечно, это связано с необходимостью поиска новой идеологией точек приложения в истории и культуре страны. Тем не менее нельзя не сказать о тех людях, которые трудились и работали в то время в МАЭ. Это

были совершенно особенные люди, на долю которых выпали тяжелые испытания: господство определенной идеологии, блокада и война.

В то время экспозиции часто служили и кабинетом, и фондами, было характерно открытое хранение. Аналогичным построением обладал музей Питт-Риверса в Оксфорде. Однако там предпочли сохранить эту форму в законсервированном виде. Современный вид музея Питт-Риверса напоминает старые фотографии прежних экспозиций МАЭ. Надо отметить, что музею в Оксфорде посвящен целый пласт научных статей. Он пользуется особой любовью профессионалов-музейщиков.

Конечно, основное место в сборнике уделено коллекциям. Вопросы атрибуции и восстановления истории предмета подняты М.Ф. Альбедиль, А.В. Ляхович, Я.В. Васильковым, Е.Б. Толмачевой, П.А. Куценковым.

Атрибуция предметов из металла позволяет говорить Я.В. Василькову о существовании локальных школ на территории п-ва Индостан, а коллекция керамики демонстрирует эволюцию мастеров от воспроизведения традиционных образцов к оригинальным авторским работам. К.П. Кларк, составляя коллекцию для лондонского и петербургского музеев, уже в 1880-е годы понимал необходимость актуальных этнографических сборов, демонстрирующих трансформацию традиционного искусства. На эту же тему размышляли и спорили в секторе Африки на протяжении всего XX в. П.А. Куценков, крупнейший отечественный специалист по искусству догонов, также пишет о необходимости выделения локальных школ в пластической традиции догонов, которая находится в процессе появления новых форм художественной выразительности, обусловленных процессами глобализации.

Архивные изыскания, проведенные сотрудниками МАЭ, также позволяют читателю взглянуть на форму организации музейной и научной работы в музее.

В.А. Прищепова, анализируя работу в 1930-е годы молодого сотрудника отдела Передней и Средней Азии МАЭ А.Н. Кондаурова, отмечает, что «еще со времен Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза отличительной особенностью ленинградской этнографической школы 1920-х годов было изучение местных языков». Эта особенность до сих пор отличает традицию изучения народов и культур Африки в Петербурге. В свое время даже появился термин «ленинградская школа африканистики».

В секторе Африки Д.А. Ольдерогге была сформирована группа по работе с источниками по этнографии и истории Африки и группа по музейной работе. Под музейной работой, пишет К.П. Калиновская, которая входила в ту группу, понимали научное изучение предметов материальной культуры.

Подход, примененный Д.А. Ольдерогге к организации работы сектора, показал свою продуктивность и представляется наиболее взвешенным, когда вечный спор между музеем и наукой оказался решенным. Каждый в секторе Африке занимался своим делом. Таким образом, в наследство современному отделу Африки достались замечательные описи коллекций, составленный рукой З.Л. Пугач, И.Н. Головановой, целый ряд статей, посвященный атрибуции предметов, этническая принадлежность и географическая локализация которых в описях часто была обозначена просто как «Африка, негры». Между

тем в секторе велась активная научная работа, которая на практике превратилась в издание словарей, источников по истории Африки, фундаментальных трудов по вопросам этногенеза народов Африки. Работы таких крупных ученых-африканистов, как В.М. Мисюгина, Н.М. Гиренко, В.В. Матвеева, В.А. Попова, С.Б. Чернецова, К.И. Позднякова, вывели ленинградскую школу на авансцену современной науки в вопросах лингвистики, этнографии, истории, что и позволило говорить о появлении ленинградской школы африканистики. Действительно, в настоящее время взгляды этих ученых нашли признание в международном научном сообществе. Многие выпускники кафедры африканистики СПбГУ, бывшие аспиранты и сотрудники МАЭ уже работают за границей, продолжая научные традиции, заложенные в Ленинграде-Петербурге.

Колоссальная музейная работа, проделанная музейной группой, созданной Д.А. Ольдерогге, по разбору и учету предметного и фотоиллюстративного фонда по народам Африки также приносит свои плоды. Приятно говорить о том, что сотрудникам современного отдела Африки не стоит никакого труда отвечать на многочисленные запросы из-за рубежа, касающиеся того или иного предмета из фонда МАЭ, так как в наследство им достались замечательные картотеки, архивные материалы, книги поступлений, составленные заботливой рукой сначала самого Дмитрия Алексеевича, а потом Зои Леонидовны. Книга З.Л. Пугач, посвященная коллекциям В.В. Юнкера и этнографии народов Южного Судана, вызывает неизменный интерес у иностранных коллег. Остро ощущается необходимость ее издания на английском языке.

Конечно, еще много предстоит сделать. Предметный фонд по народам Африки насчитывает сейчас более 13 тысяч предметов. Однако это уже работа другого порядка: необходима переатрибуция предметов, история бытования которых не исследована, а региональная типологизация никогда не проводилась, в связи с чем географическая и этническая принадлежность часто указаны неверно.

Стоит сказать, что такая ситуация характерна не только для собрания МАЭ РАН, но и в целом отмечается для собраний второй половины XIX — первой половины XX в. многих музеев мира. Объясняется это просто. Во-первых, характером самих коллекций — в основном речь идет об экспроприациях колониальных времен. Этому вопросу была посвящена отдельная секция на симпозиуме “Herrenhausen” по малым этнографическим музеям в Ганновере в июне 2015 г. Во-вторых, периодом становления этнографии как науки и метода полевого исследования как такового. Современные полевые исследования показывают, что вещи, приобретаемые в той или иной деревне, необязательно сделаны ее мастерами и характеризуют ее быт, традиции и культовые практики. К такому выводу пришел П.А. Куценков, который сейчас активно занимается искусством догонов непосредственно «в поле». В ряде своих статей, включая опубликованную в нашем сборнике, он убедительно доказывает необходимость пересмотра атрибуций большинства предметов колониальных музейных собраний.

Не все музейные коллекции колониальных времен неверно атрибутированы. Примером колониального чиновника на службе и одновременно увлечен-

ного исследователя культуры местных племен является А. Мансфельд, чьи коллекции хранятся в МАЭ РАН. Исследованию его деятельности на этом посту и его камерунским коллекциям посвятила свою статью Х.М. Турьинская. Она отмечает, что роль в становлении А. Мансфельда как коллекционера сыграл директор Берлинского этнографического музея фон Лушан, развивший идею прикладной этнологии.

Нельзя не восхищаться личностями этнографов, искусствоведов, музейщиков, которые стояли у истоков современного этнографического музея. Значительный вклад в развитие африканского музееведения в России внесла и Зоя Леонидовна Пугач.

Можно надеяться, что ее труды по описанию и систематизации коллекций послужат замечательным стартом для начала публикационной активности по изданию каталогов африканских коллекций МАЭ РАН.

К.П. Калиновская верно отмечает, что этнографические коллекции «вообще редко публикуются». Необходимость издания хороших научно-популярных каталогов, коими славятся иностранные музеи, очевидна. В МАЭ РАН эта деятельность начата, но, учитывая колоссальную численность предметного фонда, многое еще предстоит сделать. Представленный читателю сборник является шагом на этом пути.

В.Н. Семенова